

А. Ю. Митрофанов

Образ императора Иоанна I Цимисхия (969–976) в повествовании Анны Комниной: миф или плод коллективной памяти?

УДК 94(495):930.2

DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_75

EDN XGKFWF

Аннотация: В статье исследуется образ византийского императора Иоанна I Цимисхия (969–976) в произведении принцессы Анны Комниной (в «Алексиаде»). Автор рассматривает литературный образ Цимисхия как плод исторического предания, сложившегося в военной византийской аристократии, и сопоставляет его с реальным историческим Цимисхием. Автор приходит к выводу, что образ Цимисхия, созданный Анной Комниной, носил полемический характер и был изначально направлен против придворной пропаганды императора Никифора III Вотаниата (1078–1081).

Ключевые слова: Иоанн Цимисхий, Анна Комнина, Македонское возрождение, Никифор Фока, Никифор Вотаниат.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского Католического Университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова («Барсовского общества») Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: Митрофанов А. Ю. Образ императора Иоанна I Цимисхия (969–976) в повествовании Анны Комниной: миф или плод коллективной памяти? // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 75–94.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 17.01.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2024

Andrey Yu. Mitrofanov

The Image of Emperor John I Tzimiskes (969–976)
in Anna Komnena’s Narrative:
a Myth or a Fruit of Collective Memory?

UDK 94(495):930.2
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_75
EDN XGKFWE

Abstract: The article examines the image of the Byzantine Emperor John I Tzimiskes (969–976) in the work of Princess Anna Komnena (in the “Alexiad”). The literary image of Tzimiskes is considered as the fruit of historical tradition developed in the military Byzantine aristocracy, and is compared with the real historical Tzimiskes. It is concluded that the image of Tzimiskes created by Anna Komnena was polemical in nature and was initially directed against the court propaganda of Emperor Nikephoros III Botaniates (1078–1081).

Keywords: John Tzimiskes, Anna Komnena, Macedonian Renaissance, Nikephoros Phokas, Nikephoros Botaniates.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts, Louvain Catholic University; researcher, St. Petersburg Theological Academy; full member of the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) at St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

For citation: Mitrofanov A. Yu. The Image of Emperor John I Tzimiskes (969–976) in Anna Komnena’s Narrative: a Myth or a Fruit of Collective Memory? *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 2, pp. 75–94.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 17.01.2024.

Традиции античной литературы, как правило, требовали от историка соотносить актуальные события своего времени с неким золотым веком, отблески славы которого периодически проступают в том или ином герое или же, напротив, свидетельствуют о еще более выдающемся и запоминаемом величии современников. В частности, например, Геродот начинает свое повествование с истории Троянской войны и похода аргонавтов. Полибий при изложении римской истории берет за точку отсчета победу Лисандра над афинским флотом в битве при Эгоспотамах (405 г. до Р. Х.), а Прокопий Кесарийский открывает свою историю войн императора Юстиниана I (527–565) кратким очерком о тактике, в котором превозносит военное искусство современной ему римской конницы над воинским мастерством лучников времен Гомера. Подобные традиции были унаследованы византийской литературой в период т. н. македонского возрождения.

Анна Комнина, дочь императора Алексея I (1081–1118), подобно своим предшественникам, на поприще служения Клио постоянно соотносит своих современников с персонажами и образами, заимствованными из поэм Гомера и из древнегреческих трагедий. Принцесса уделяет большое внимание женским персонажам, впрочем, не забывая и о мужчинах. В частности, она сравнивает свою мать императрицу Ирину Дукену с Афиной Палладой, свою несостоявшуюся свекровь императрицу Марию Аланскую – со статуями Фидия, своего жениха кесаря Константина Дуку – с белокурым Менелаем, норманнского военачальника Роберта Гвискара – с грозным Ахиллесом, а саму себя – с несчастной Ниобой [Neville, 2013, 192–218]. При этом Анна сознательно позиционирует себя в первую очередь как историк правления своего отца императора Алексея I и, используя образы, привнесенные из древнегреческой мифологии, например Кассандры и Электры, рассказывает читателю о событиях, большинство из которых принцесса застала лично или же узнала о них благодаря рассказам отца, других членов своей семьи и лиц из ближайшего придворного окружения [Neville, 2016, 43–60; Buckley, 2014, 15–19]. Установлено, например, что Анна использовала при написании своего сочинения в первую очередь воспоминания своего супруга Никифора Вриенния, а также какие-то устные рассказы своей матери Ирины Дукены, своей бабушки Анны Далассины и, возможно, утраченные мемуары военачальников своего отца: Георгия Палеолога и Татикия. Но если Никифор Вриенний изображает современных ему византийских военачальников, прежде всего Романа IV Диогена (1068–1071), Иоанна Дуку и Алексея Комнина, как продолжателей древнеримских героев и оценивает их поступки с точки зрения древнеримской героической морали, то принцесса Анна, напротив, помещает своих персонажей в культурно-исторический контекст древнегреческого, в первую очередь гомеровского, эпоса и превращает их в орудия Ананке, в трагические жертвы рока [Neville, 2012, 121–134, 182–193]. Наиболее ярким примером подобного метода Анны является описание борьбы Алексея Комнина с норманнским рыцарем и авантюристом Русселем де Байолем; история пленения и мнимого ослепления Русселя по приказу Алексея очевидным образом уподобляет будущего императора хитроумному Одиссею.

Император Алексей I также представлен в повествовании дочери в качестве «нового Константина», спасителя империи и победителя варваров на поле брани, однако, описывая подвиги своего отца, Анна приводит читателю примеры из сравнительно недавней византийской истории: в частности, в своем повествовании писательница комплементарно описывает некоторые деяния дяди Алексея I, императора Исаака I Комнина (1057–1059), а также императоров Иоанна I Цимисхия (969–976) и Василия II (976–1025) [Buckley, 2014, 245–284]. Причем наиболее пристальное внимание порфирородная принцесса уделяет вполне конкретным военным подвигам Иоанна I Цимисхия. Не исключено, что память о правлении этого императора бережно сохранялась в семейных анналах византийской военной знати, к которой принадлежала семья Комнинов, и это обстоятельство вовсе не было простой случайностью.

Анна Комнина упоминает императора Иоанна I Цимисхия в рассказе о манихеях: «Вот этих последователей Мани и сыновей Каллиники, Павла и Иоанна, людей

грубых, жестоких, без колебаний проливающих кровь, победил на войне и захватил в плен славный среди императоров Иоанн Цимисхий; он вывел их из Азии, из областей Халива и Армениака, во Фракию и заставил поселиться около Филиппополя. Он сделал это, чтобы, чтобы, во-первых, удалить их из хорошо укрепленных городов и крепостей, которыми они распоряжались как неограниченные правители, а во-вторых, чтобы использовать их как надежную стражу против скифских набегов, которым постоянно подвергалась Фракия. Ведь варвары проходили через долины Гема и совершали набеги на равнину, лежащую у его подножья... Иоанн Цимисхий превратил еретиков-манихеев из врагов в союзников по оружию и, таким образом, выставил надежную защиту против кочевников-скифов» (Ἀλλὰ τοὺτους δὴ τοὺς ἀπὸ Μάνεντος καὶ Παύλου καὶ Ἰωάννου, τῶν τῆς Καλλινίκης, ἀγριωτέρους ὄντας τὰς γνώμας καὶ ὤμοις καὶ μέχρις αἵματος διακινδυνεύοντας ὁ ἐν βασιλεῦσιν ἐκεῖνος θαυμάσιος Ἰωάννης ὁ Τζιμισκῆς πολέμῳ νικήσας, ἔξανδρα ποδισάμενος ἐκ τῆς Ἀσίας, ἐκείθεν ἀπὸ τῶν Χαλύβων καὶ τῶν Ἀρμενιακῶν τόπων εἰς τὴν Θράκην μετήνευκε. Καὶ τὰ περὶ τὴν Φιλιππούπολιν αὐλίξεσθαι κατηνάγκασεν, ἅμα μὲν τῶν ἐρυμνοτάτων πόλεων καὶ φρουρίων, ἃ κατείχον τυραννιδῶντες, ἀπλαγάων, ἅμα δὲ καὶ φύλακας ἐπιστήσας ἀσφαλεστάτους τῶν σκυθικῶν ἐκείνων διεκδρομῶν, ἃς ὑπὸ σύγχως ὑπὸ βαρβάρων τὰπὶ Θράκης ἐπεπόνθει χωρία· ὑπερβαίνοντες γὰρ τὰ τέμπη τοῦ Αἴμου τὰς ὑπὸ τοῦτον πεδιάδας κατέτρεχον... Ὁ δὲ Τζιμισκῆς Ἰωάννης τοὺς ἐκ τῆς Μανιχαϊκῆς αἰρέσεως ἀντιμάχους ἡμῖν ποιησάμενος συμμάχους κατὰ γε τὰ ὄπλα ἀξιωμαχούς δυνάμεις τοῖς νομάσι τοῦτοις Σκύθαις ἀντέστησε (Anna Comnena I. 455–456; пер. Я. Н. Любарского).

Экскурс Анны Комниной, посвященный энергичной политике Иоанна Цимисхия по укреплению балканской границы Византийской империи, несмотря на свою краткость, содержит много интересных сведений, важных как для понимания культурно-этнической ситуации, сложившейся в Византии в эпоху правления Македонской династии, так и для исследования военно-политической стратегии империи во 2-й пол. X в. Под «скифскими набегами», которым противостоял Иоанн Цимисхий, порфирородная писательница подразумевает неудачную попытку норманнского (варяжского) конунга Святослава (Σφενδοσθλάβος) Игоревича, княжившего в Киеве (961–972), утвердиться на Дунае, однако принцесса рассматривает историческую ситуацию, сложившуюся в нач. 970-х гг., с точки зрения своего времени и, очевидно, смешивает норманнов (варягов) Святослава с современными ей печенегами, объединяя всех этих противников Византийской империи под древним наименованием «скифов». Чем же личность Иоанна Цимисхия полтора века спустя смогла привлечь к себе внимание принцессы Анны? Находилась ли порфирородная дочь Алексея I под влиянием мифа об «императоре-полководце» или же воспроизводила на страницах своего произведения фрагменты коллективной памяти об Иоанне Цимисхии, которые сохранились в семьях византийской военной аристократии даже после кровопролитных гражданских войн, гремевших в первый период правления Василия II?

Загадочная политическая биография императора Иоанна Цимисхия вызывает оживленные споры и дискуссии, ибо породившая его эпоха «македонского возрождения», которую современная исследовательница О. А. Барынина справедливо называет «временем концентрации всего того, что мы называем „византизмом“», а также «периодом максимального же впитывания и распространения „синтетических“ византийско-арабских черт на другие формирующиеся культуры», во многом предопределила дальнейшее культурное развитие как самой Византии, так и всего европейского континента [Барынина, 2011, 13–15].

Иоанн Цимисхий принадлежал к числу т.н. императоров-полководцев, с которыми справедливо связывают столь примечательное явление, как «византийские крестовые походы» X в. Именно так нередко называют серию наступательных войн, в ходе которых Византийская империя ликвидировала Критский эмират, сломала сопротивление сирийских Хамданидов, окончательно подорвала военную мощь Аббасидского халифата и остановила экспансию арабо-берберского халифата Фатимидов. Несомненно, что военные таланты Иоанна Цимисхия и его блистательные победы

над арабами, болгарами и норманнами (варягами) столетие спустя служили образцом как для Алексея I Комнина, так и для его военного окружения в бурную эпоху борьбы за существование Византийской империи на исходе кровавого XI столетия. Несмотря на то, что Иоанн I Цимисхий был по происхождению знатным армянином, а Алексей I происходил из аристократической военной семьи греческого происхождения, оба василевса принадлежали к «римскому народу» — были ромеями, и эта имперская самоидентификация имела для византийцев более важное значение, чем национальная, а иногда даже и конфессиональная принадлежность.

Почему же Анна Комнина, вообще-то не склонная к пространным историческим экскурсам, все-таки вдруг заостряет внимание читателя именно на эпохе Иоанна I Цимисхия? Некоторые детали биографии Алексея I Комнина действительно напоминали биографию Иоанна I Цимисхия. Отец Алексея, Мануил Комнин, не царствовал, однако Алексей был племянником императора Исаака I (1057–1059). В то же время Иоанн I Цимисхий был также племянником (правда, по матери) византийского автократора — императора Никифора II Фоки (963–969). Алексей Комнин был усыновлен императрицей Марией Аланской, женой императора Михаила VII Дуки Параспинака (1072–1078) и императора Никифора III Вотаниата (1078–1081). С согласия и одобрения Марии Алексей поднял восстание против Никифора III Вотаниата, узурпатора, связавшего Марию узами ненавистного брака. Как намекает принцесса Анна, между Алексеем и Марией возникли романтические отношения (приемная мать была всего лишь на семь лет старше своего приемного сына), что дало повод матери Алексея, всеильной Анне Далассине, настаивать на разводе Алексея с Ириной Дукевой и на заключении брака с императрицей Марией. Подобным же образом и Иоанн Цимисхий, снискавший расположение и нежные чувства роковой красавицы, императрицы Феодано (вдовы Романа II; 959–963), сверг узурпатора Никифора Фоку, который после военного переворота 963 г. взял Феодано в жены, преисполнившись плотской страстью к этой императрице, но не особенно интересуясь ее собственными чувствами. Правда, следует отметить, что Алексей Комнин старался не опускаться до политических убийств, если, конечно, не считать ослепления Никифора Диогена и убийства Лже-Диогена II, в то время как Иоанн Цимисхий был порождением другой эпохи и следовал по отношению к своему предшественнику печальным традициям арабских правителей. Личная доблесть и военные таланты сближали Иоанна Цимисхия и Алексея Комнина. Если Иоанн Цимисхий, продолжая политику Никифора Фоки, превратил Византийскую империю в военного лидера своего времени, то Алексей Комнин сумел сохранить Византию в один из самых тяжелых периодов ее истории и вернул империю если не былую военную мощь, то, по крайней мере, подобающий политический статус во внешнем мире. Именно это обстоятельство подчеркивает Анна Комнина, когда пишет о том, что до ее отца римские императоры боялись вступать на территорию Азии, за исключением Иоанна Цимисхия и его формального соправителя и будущего преемника Василия II (*Βασιλεὺς δὲ πλὴν ὀλίγων, λέγω δὲ Τζιμισκῆν τε καὶ Βασίλειον τὸν βασιλέα, ἔκτοτε καὶ μέχρι τοῦμοῦ πατρὸς οὐδεὶς ἄκροισ ἑκ τῆς Ἀσιὰτιδος ἐφάσασθαι τὸ παράπαν τετόλμηκεν* (Anna Comnena I. 493)). Принцесса Анна сравнивает Иоанна Цимисхия с Василием II и рассматривает обоих императоров-воинов как исторических предшественников своего отца.

При этом мы не должны забывать, что политическая биография Иоанна Цимисхия непосредственным образом связана с биографией и деятельностью его дяди и его жертвы — императора Никифора II Фоки, ибо Иоанн на протяжении многих лет служил под командованием Никифора и принимал активное участие в его возведении на престол в ходе военного переворота 963 г. Об этом обстоятельстве, хорошо известном современникам Анны Комниной, сама принцесса предпочитает умалчивать. В чем же заключается причина подобной деликатной «фигуры умолчания»? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо кратко рассмотреть культурно-историческую обстановку, сложившуюся в Византийской империи накануне узурпаций Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия.

Выдающийся французский историк, нумизмат и коллекционер немецкого происхождения Густав Леон Шлюмбергер (1844–1929) в своей известной работе, посвященной императору Никифору II Фоке, описывал этого выдающегося военачальника как «византийского крестоносца» и связывал с его военными успехами т.н. византийскую реконкисту [Schlumberger, 1890, 309–530]. «Именно к 960 году имя Никифора Фоки, популярное с некоторого времени в Византии и в императорской армии, вдруг стало греметь по всему Востоку. Слабый Лотарь, сын Людовика Заморского, правил тогда франками. Иоанн XII, сын патриция Альберика, внук Марозии, был папой в Риме. Оттон I, великий, германский король, шел, чтобы короноваться папой как император и окончательно лишить Беренгария II итальянской короны. Аббасид Мотхи был лишь тенью багдадского халифа, а буидский султан, шиит Муизз Эддаулах был его майордомом. Было два других халифа, один из которых – фатимидский – в Кайруане, а второй – великий Абд ар-Рахман III – в Кордове, который умрет спустя полвека царствования. Могущественные Хамданиды правили в Алеппо и Мосуле. Ихшидиды еще царствовали в Фостате египетском, который вскоре сменится Каиром под властью африканских Фатимидов. Княгиня Ольга, которая только что обратилась в христианство, из своего деревянного киевского замка управляла росами и русскими в период малолетства своего сына Святослава. Петр был царем Болгарии. Пьетро Кандиано был двадцать четвертым дожем Венеции», – так описывал исследователь международную обстановку, сложившуюся к нач. 960-х гг. в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке [Schlumberger, 1890, 1–2].

К моменту военного переворота 963 г., в котором принимал деятельное участие Иоанн Цимисхий, империя уже почти столетие находилась под властью Македонской династии. Эта династия была основана Василием I Македонянином (867–886) – армянином из незнатного рода, происхождение которого придворная пропаганда IX в. связывала с древней парфянской династией Аршакидов (Zonaras, 1871, IV. 17). Официальная античная версия происхождения первых парфянских царей Аршака и Тиридата была хорошо известна византийским интеллектуалам благодаря Георгию Синкеллу и патр. Фотию. Примечательно, что в конце VIII в. Георгий Синкелл мог использовать утраченное сочинение Флавия Арриана по парфянской истории под названием «Парфика» (Georg. Synkellos, 1829, I. 539–540); [Debevoise, 1938, 911; Дибвойз 2008, 33–35]. «Парфика» Арриана отражала официальную пропаганду аршакидского двора, сформировавшуюся в эпоху Митридата II (124–91 гг. до Р. Х.) или Фраата III (69–57 гг. до Р. Х.), чем, в частности, объясняется присутствие в этом сочинении фиктивной генеалогии парфянских Аршакидов, будто бы происходивших от древнеперсидских Ахеменидов (от Артаксеркса) [Балахванцев, 2009, 89–101]. Не исключено, что Георгий Синкелл был знаком с «Парфикой» Арриана непосредственно. В царствование императрицы Ирины (780–802) Георгий Синкелл мог вывезти сочинение Арриана вместе со своей библиотекой из завоеванной арабами Палестины в Константинополь. О существовании этой библиотеки писал известный немецкий византист Пауль Шпек, который доказал, в частности, что часть сирийских книг и документов Георгия Синкелла легла в основу его т.н. досье, посвященного эпохе правления первых императоров Исаврийской династии: Льва III Исавра (717–741), Артавазда (742–743) и Константина V Копронима (741–775) [Speck, 2003, 514]. Спустя полвека после Георгия Синкелла экземпляром «Парфики» Арриана из его библиотеки мог воспользоваться патр. Фотий (858–867 и 877–886), ставший автором фальшивой парфянской генеалогии Василия I. Но в древнеримской историографии существовала также альтернативная версия происхождения первых парфянских царей, которая опиралась на более древнюю традицию. Юстин (эпитоматор Помпея Трога), Страбон и в определенной степени Аммиан Марцеллин сообщают сведения, восходящие к греческому историку эпохи Селевкидов Аполлодору Артемитскому, который писал о том, что братья Аршак и Тиридат были вождями кочевого массагетского племени дахов (апарнов), захватившего в III в. до Р. Х. селевкидскую сатрапию Парфию [Nikonov, 1998, 107–122; Балахванцев, 2009, 89–101];

Балахванцев, 2015, 114–122]. Но даже если эта версия происхождения первых парфянских царей, с точки зрения современных специалистов более достоверная, чем версия Арриана, и была известна патр. Фотию благодаря чтению Страбона, однако она по вполне понятным причинам не могла пользоваться популярностью в Константинополе во 2-й пол. IX в. Основатель Македонской династии предпочитал, чтобы его считали потомком Артаксеркса, а не варварских «скифских» вождей.

Легенда о парфянском, да к тому же еще и царском, происхождении Василия I Македонянина, сочиненная патр. Фотием, призвана была облагородить темную личность основателя новой династии. Хотя, как отмечал Я. Н. Любарский, сомнения в истинности парфянской генеалогии Василия I посещали уже самих ромеев (Zoh. 407.15–408.2); [Любарский, 2009, 140, п. 2]. Как известно, Василий Македонянин был узурпатором и убийцей своего предшественника (также как впоследствии Иоанн Цимисхий), а официальный сын и наследник Василия I, Лев VI Философ (886–912), в действительности, скорее всего, был сыном свергнутого императора Михаила III Пьяницы (856–862) от норманнской наложницы, которая впоследствии стала женой Василия I и прославилась под именем Евдокии Ингерины (ок. 840–882). Когда столетие спустя шурин Иоанна Цимисхия Варда Склиз и племянник Никифора II Варда Фока подняли мятеж против императора Василия II (976–1025) и его брата Константина (1025–1028), то среди мятежников также распространялись слухи о незаконнорожденном происхождении братьев-императоров, якобы рожденных императрицей Феофано, блудницей на троне, не от Романа II, а неизвестно от кого. Возможно, эти слухи вдохновлялись и подпитывались аналогичными преданиями о незаконном происхождении Льва VI от норманнской наложницы Михаила III.

Низкое происхождение Василия I бросало тень на его внука, Константина VII, который на протяжении многих лет был фактически отстранен от управления империей друнгарием флота узурпатором Романом I Лакапином (920–944) и который даже после обретения реальной власти оставался под сильным влиянием жены, энергичной императрицы Елены Лакапины, дочери Романа I [Runciman, 1929, 45–81; Toynbee, 1973, 9–10; Слядзь, 2015, 13–18]. Впрочем, сын Константина VII и Елены Лакапины Роман II (959–962) явным образом унаследовал качества своей матери, в первую очередь внутреннюю независимость. Подобно Юстиниану I, взявшему в жены прекрасную гетеру Феодору, Роман II презрел придворные правила и после смерти первой жены Берты Провансальской женился на дочери владельца постоянного двора, обворожительной красавице по имени Феофано. Именно любовь к Феофано, возможно, и стала впоследствии одним из действенных стимулов, который побудил военачальника Никифора Фоку, аскета, терзаемого тайными страстями, к узурпации престола. А еще через несколько лет роман с Феофано стал средством захвата власти, которое, ничтоже сумняшеся, использовал Иоанн Цимисхий.

Без сомнения, мы можем рассматривать масштабное наступление Византии на территории Аббасидского халифата, в котором Никифор Фока и Иоанн Цимисхий сыграли столь выдающуюся роль, как военно-политический и культурный процесс, представляющий собой, с точки зрения Л. Н. Гумилева, классический ответ этноса на внешний исторический вызов. Разгром арабскими кочевниками восточно-римской армии в 636 г. в битве на реке Ярмук и позорное бегство из Антиохии императора Ираклия (610–641), еще совсем недавно прославлявшегося придворными льстецами в качестве «нового Давида», освободителя Животворящего Древа Креста и победителя персов [Ludwig, 1991, 73–128; Leader, 2000, 407–427], очень скоро поставили Византию на край гибели. После смерти в феврале 641 г. Ираклия римляне очень быстро потеряли богатейшие восточные провинции: Египет, Сирию, Месопотамию, Армению, значительную часть Анатолии, некогда как с экономической, так и с этнокультурной точки зрения составлявшие важнейшую часть эллинистического мира. Константинополь дважды, в 674–678 и 717–718 гг., переживал длительные арабские осады, которые по продолжительности и по количеству осаждающих намного превосходили знаменитую осаду города аварами и славянами летом 626 г.

Однако социально-политические и культурные процессы, начавшиеся в Византии еще в эпоху иконоборчества, привели впоследствии к феномену т.н. македонского возрождения. Императоры Лев III Исавр (717–741) и Константин V Копроним (741–775), закладенные в позднейшей византийской историографии как нечестивые еретики, были тем не менее талантливыми военачальниками, положившими в основу своей политики идею возрождения старой империи Константина Великого и Юстиниана I под знаком Креста, ставшего в свое время символом обращения Константина. С этого времени идеология византийского «крестового похода», направленного на восстановление империи, оказывала серьезное влияние на политику императоров VIII–IX вв. и была в известном смысле реанимирована в царствование Романа I Лакапина (919–944) [Speck, 1981, 237–241; Speck, 1984, 175–210; Тохтасьев, 2018, 9–95]. В результате при Романе I римляне нашли в себе силы перейти в контрнаступление и нанесли ряд крупных поражений как сирийским арабам — Хамданидам [Васильев, 1902, II. 238–239], так и воинственным арабо-берберским армиям египетских Фатимидов. Основные военно-политические события, связанные с византийско-арабским противостоянием в сер. X в., давно и обстоятельно изложены в знаменитой работе А. А. Васильева, поэтому нам нет необходимости останавливаться на них подробно. Отметим только, что Иоанн Куркуас, названный современниками вторым Траяном и Веспасианом, одержал над арабскими войсками в Армении и Осроене крупные победы, каких ромеи не одерживали со времен императора Константина V (741–775) [Rochow, 1994, 73–88]. Возможно, автором сравнения Иоанна Куркуаса с императорами Древнего Рима был некий Мануил, автор утраченного исторического сочинения, посвященного военным походам этого талантливого военачальника. Это сочинение использовал «Продолжатель Феофана», и, вероятно, упоминал Иоанн Скилица [Каждан, 1961, 1. 78–96]. Войска Куркуаса, наступая по тем же маршрутам, по которым в VIII в. на территорию халифата вторгся Константин V, взяли Феодосиополь, Самосаты, Мелитену, форсировали Евфрат. В 944 г. Иоанн Куркуас осадил Эдессу и выкупил у арабов Мандилион — образ Нерукотворного Спаса, реликвию императора Ираклия, и торжественно отправил его в Константинополь. В 942 г. византийский флот участвовал в экспедиции против провансальских арабов Фраксинета (Фрежюс), утвердившихся на Лазурном берегу еще в далеком 888 г. В качестве знака признательности за военную помощь король Италии Гуго Арльский (926–945) пообещал Роману I Лакапину выдать замуж за его внука — будущего императора Романа II, франкскую принцессу удивительной красоты по имени Берта (927–949), которая была дочерью Гуго Арльского от лангобардской наложницы Пецолы. Как отмечал Лиутпранд, при выяснении генеалогии невесты будущего императора византийцы, в отличие от франков, интересовались происхождением отца, в то время как происхождение матери оставляли без особого внимания. Поэтому брачный контракт был заключен без всяких затруднений (Liutprandus, 1877, 106–107). Примечательно, что практика заключения династических браков с представительницами «латинских» королевских домов, к которой прибегал Роман Лакапин (а до него императрица Ирина), была возрождена именно в кон. XI в., т.е. в ту эпоху, которую описывает Анна Комнина в своем сочинении. В нач. 1070-х гг. император Михаил VII Дука Парасинак (1071–1078) заключил договор с норманнским герцогом Апулии Робертом Гвискарсом об обручении наследника престола — кесаря Константина, и дочери Роберта Олимпии (Елены) [Kolia-Dermizaki, 1997, 251–268; Cowdrey, 1983, 132–133; Falkenhausen, 1982, 56–72; Безобразов, 1899, 140–143]. Но в 1081 г. захвативший престол Алексей Комнин, вероятно, сразу же аннулировал это обручение, что стало поводом для вторжения Роберта на Балканы. Позднее Алексей Комнин организовал брак своего сына и наследника Иоанна с венгерской принцессой Пирошкой Арпад (Ириной), внучатой племянницей германского императора Генриха IV (король с 1054 г., император с 1084 г. — 1105).

Необходимо отметить, что нравы при дворе Гуго Арльского в целом были достаточно свободными и ориентировались на примеры первой жены Гуго Арльского, красавицы Марозии (892 — ок. 936), и ее матери Феодоры (ок. 870–916), вызывавших

ханжескую ярость Лиутпранда, который всякий раз заходил в «праведном гневе», обличая т. н. римскую «порнократию». Свобода нравов, царившая в Риме во времена Марозии, действительно была очень далека от того духа женоненавистничества, который воцарится в Вечном городе в следующем столетии и будет насаждаться сектантами патаринами, отвергавшими литургии женатых священников, при попустительстве папы Александра II (1061–1073) и папы Григория VII (1073–1085). Византийский двор времен Романа Лакапина и Константина Багрянородного, в свою очередь, отличался свободой нравов и куртуазными обычаями, повлиявшими, в частности, на автора «Дигениса Акрита», знаменитой византийской рыцарской поэмы (Gr. I, 47; VIII, 140; *Digenis Akritis*, 1998, 4, 224), датировка которой колеблется от эпохи императоров Романа II (959–963) и Никифора II Фоки (963–969) до периода правления Романа IV Диогена (1067–1071) и Никифора III Вотаниата (1078–1081).

Исследуя образы Иоанна Цимисхия и Василия II, созданные Анной Комниной на страницах «Алексиады», не будем забывать о том, что для понимания мирозерцания принцессы важны не только деяния тех, кого она упоминает, но также (если не в большей степени) деяния тех, кого она нарочито не упоминает. Что знали о Никифоре Фоке и об Иоанне Цимисхии современники Анны Комниной? Образ Никифора Фоки, запечатлевшийся в источниках, удивляет своей противоречивостью. Как отмечал А. П. Каждан, Никифор стал первым императором постиконоборческой эпохи, который был прославлен в источниках именно как военный деятель [Kazhdan, Constable, 1982, 111; Любарский, 1991, 150–162]. При этом в царствование Василия II (976–1025), который в своей внешней политике во многом следовал стратегии Никифора, вокруг образа убиенного заговорщиками императора сложилась своеобразная «черная легенда», обусловленная тем, что в ходе длительной гражданской войны Василий II боролся против его племянника Варды Фоки. Пропаганда времен Василия II, направленная против Варды Фоки, в частности, утверждала, что Никифор незадолго до своего свержения и убийства будто бы намеревался оскотить сыновей своей жены Феофано от брака с Романом II (959–963). Как показал в свое время С. А. Иванов, следы подобной пропаганды сохранились в некоторых арабских и латинских источниках [Иванов, 1982, 74–80].

Современник Никифора Вриенния и Анны Комниной историк и правовед Иоанн Скилица в своем историческом синопсисе, в котором описывается византийская история с 811 г. (окончание т. н. «Хронографии Феофана») до 1057 г. (захват власти Исааком I Комнином; 1057–1059), оставил наиболее подробное описание событий, происходивших в Византии с 945 г. (падение Лакапинов) по 976 г. (смерть Иоанна I Цимисхия; 969–976). В своем изложении событий Иоанн Скилица опирался на некие утраченные источники 2-й пол. X в., очевидно, являвшиеся плодом литературного творчества интеллектуалов, с которыми было связано т. н. македонское возрождение. По мнению А. П. Каждана, рассказ Иоанна Скилицы представляет собой более подробное и более объективное повествование, чем тенденциозная история Льва Диакона, который хотя и был современником Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия, однако далеко не всегда был точен в пересказе своих источников. Сам по себе этот факт заслуживает внимания, ибо подчеркивает высокий интерес образованной византийской публики на рубеже XI–XII вв. к эпохе императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Этот интерес, вероятно, не ослабевал и после свержения Никифора III Вотаниата (1078–1081), объявившего себя устами придворного историка Михаила Атталиата потомком Никифора Фоки [Каждан, 1976, 1–54]. Вскоре после написания Иоанном Скилицей исторического синопсиса, но еще в царствование Алексея I Комнина (1081–1118) это произведение было в значительной степени переписано и инкорпорировано в «Хронографию» Георгия Кедрина.

По мнению А. П. Каждана и М. Я. Сюзюмова, как Лев Диакон, так и Иоанн Скилица опирались на несохранившуюся * «Историю Фок» (т. н. * источник Б) — историческое сочинение, написанное в правление императора Никифора II Фоки (по крайней мере, до 969 г.) и посвященное истории аристократического малоазийского клана Фок,

вероятно, военной семьи армянского происхождения [Каждан, 1961, 2. 106–128; Сюзюмов, 1916, 106–166]. Как отмечал исследователь, именно * «История Фок» могла послужить источником для историка кон. XI в. Михаила Атталиата, из которого он черпал сведения о происхождении Никифора Фоки от Константина Великого и от древнеримского семейства Фабиев, а также источником интерполяции в трактат «О церемониях» Константина Багрянородного, в которой рассказывалось о перевороте 963 г. и о провозглашении Никифора Фоки императором. По мнению упомянутых византинистов, существовал также и альтернативный текст — т. н. * источник А, общий для Иоанна Скилицы и Льва Диакона, который был написан противником Никифора Фоки, возможно, каким-то представителем церковной иерархии. Следы использования этого источника встречаются также в историческом сочинении Иоанна Зонары, автора XII столетия. Правда, М. В. Грацианский ставит под сомнение существование двух источников Иоанна Скилицы и Льва Диакона и полагает, что оба историка опирались на один текст [Грацианский, 2013, 68–83]. Однако, с нашей точки зрения, аргументы А. П. Каждана более убедительны, так как они основаны на тщательном семантическом анализе сопоставляемых фрагментов произведений Льва Диакона и Иоанна Скилицы, в то время как М. В. Грацианский в конечном итоге опирается лишь на формальный математический подсчет лексических и композиционных совпадений в текстах Иоанна Скилицы и Льва Диакона. По нашему мнению, смысл и содержание различных фрагментов текста способны рассказать об их происхождении несравненно больше, чем формальное количество лексических или композиционных совпадений в этих фрагментах, ибо подобные совпадения часто являются следствием позднейшей редакторской правки компиляторов.

Если легенда о происхождении Никифора Фоки от Константина Великого и от Фабиев была заимствована в 1070-е гг. Михаилом Атталиатом из утраченной * «Истории Фок» или из какой-либо иной светской биографии Никифора Фоки [Ljubarskij, 1993, 245–253], то в таком случае неизбежно возникает вопрос о том, по каким причинам неизвестный придворный историк Никифора Фоки изобрел подобную генеалогию. Как известно, в арабских источниках, в частности в сочинении более позднего историка Ибн аль-Насира (1160–1233/1234), отмечено, что Никифор был потомком магометанина из Тарса по имени Ибн аль-Фаса. По-видимому, в данном случае арабский историк сохранил сведения военной Хамданидской пропаганды X в., распространявшей слухи об арабском происхождении Никифора после переворота 963 г. Возможно, что эти слухи были подхвачены представителями оппозиции, врагами Никифора, в самом Константинополе. Поэтому не исключено, что автор * «Истории Фок» полемизировал с недоброжелателями и пытался обосновать права Никифора на престол, придумывая для своего императора древнеримское происхождение точно так же, как всего лишь за столетие до этих событий изобретал для Василия I Македонянина аршакидское (парфянское) происхождение патр. Фотий. Однако, с нашей точки зрения, более вероятно, что «римская» генеалогия Никифора была придумана не для полемики с Хамданидами или внутренними оппозиционерами (слишком слабы были в период царствования Никифора как те, так и другие), но как средство обоснования западной экспансии императора, который после захвата власти в 963 г. намеревался отбить у фатимидского халифа Аль-Муизз Лидиниллаха (953–975) Сицилию, а у германского императора Оттона I Великого (936–973) Италию.

Исследования по истории византийской армии в сер. и 2-й пол. X в. позволяют сделать вывод о том, что вооруженные силы Византийской империи в этот период активно эволюционировали; по мере упадка фемного строя и разорения стратиотов они трансформировались в профессиональную армию, по своему потенциалу в большей степени напоминавшую тагмы Константина V Копронима, чем стратиотское ополчение времен первых императоров Македонской династии [Мохов, 2013, 25–150; Капсалькова, 2017, 92–98; Баранов, 2017, 248–283]. Никифор Фока после захвата власти стремился интенсифицировать боевые действия против арабов на всех

стратегических направлениях. Поэтому после завоевания Крита и успехов в Киликии и Сирии император подготовил военно-морскую экспедицию под командованием Мануила Фоки, в задачу которой входил захват Сицилии. Правда, сицилийская экспедиция, как известно, закончилась полным провалом. Анна Комнина хранит упорное молчание там, где было бы уместно вспомнить Никифора Фоку, пусть даже в критическом контексте, и это обстоятельство далеко не случайно, ибо к клану Фок официально принадлежал свергнутый ее отцом Алексеем I Никифор III Вотаниат. При этом Анна Комнина возвеличивает Иоанна Цимисхия и видит в нем предшественника своего отца.

После убийства Никифора в 969 г. его племянник и организатор переворота Иоанн Цимисхий, по-видимому, вновь перенес основное внимание византийской внешней политики на Восток. Что же конкретно имела в виду Анна, когда сравнивала своего отца с Иоанном Цимисхием и его преемником Василием II и писала о том, что оба они не боялись вступать на территорию Азии? Не исключено, что Анна Комнина в период работы над «Алексиадой», т.е. примерно в 1147–1149 гг., читала «Историю» Льва Диакона или же, во всяком случае, была знакома с военными архивами, содержащими приказы Иоанна Цимисхия в период подготовки императором похода на Багдад, предположительно, в начале 974 г. Как известно, среди предшественников Иоанна Цимисхия действительно лишь немногие римские императоры отваживались предпринимать военные походы в глубины Месопотамии.

Здесь необходимо напомнить читателю, что в древности римляне трижды брали Ктесифон, столицу Парфянского царства. В 115 г. легионы императора Траяна (98–117), спустившись вниз по Тигру, захватили Вавилон, Селевкию и Ктесифон. Таким образом, римляне покорили сразу три столицы величайших империй Древнего Востока — ахеменидскую, селевкидскую и парфянскую. В 165–166 гг. в ходе очередной римско-парфянской войны Селевкия и Ктесифон были вновь захвачены будущим узурпатором Авидием Кассием (175). В 195 г. легионы Септимия Севера (193–211) повторили походы Траяна и Авидия Кассия. Они снова завоевали Вавилон и Селевкию, а в 197 г. покорили Ктесифон. После падения Парфянского царства и появления династии Сасанидов в Иране в 224 г. стратегическая ситуация на восточной границе Римской империи радикальным образом изменилась. Персы перешли в наступление, и в 252–253 гг. шах Ирана Шапур I (240/241–271/272) захватил Антиохию, что стало для римлян настоящим шоком (Амм. Марс. XXIII. 5. 3). Затем Шапур разгромил и взял в плен императора Валериана (253–260). Рим был вынужден надолго перейти к обороне вдоль всей восточной границы. Однако в 298 г. войска тетрархов августа Диоклетиана (284–305) и цезаря Максимиана Галерия (цезарь в 293–305, август в 305–311) нанесли поражение сасанидскому шаху Нарсе (292/293–300/301), захватили его гарем (Petr. Patr. Fragm. 12–13) и вновь овладели Ктесифоном (28 января 298 г.) [Barnes, 2014, 52]. Спустя более чем полвека император Юлиан Отступник (361–363) начал новый знаменитый поход на Ктесифон, подробно описанный современниками — Аммианом Марцеллином и Либанием. Поход был неудачным, и в 363 г. император погиб в бою.

И только через два с половиной столетия император Ираклий (610–641) в ходе знаменитой войны против Хосрова II Парвиза (591–628) снова вторгся в Месопотамию и дошел до Ниневии, древней столицы Ассирийского царства, а затем разгромил под этим городом в декабре 627 г. персидскую армию полководца Рахзада [Speck, 1988, 27–28; Ludwig, 1991, 73–128]. Однако на Ктесифон Ираклий не пошел и, узнав о свержении Хосрова II, заключил мир с его убийцей и преемником Кавадом II Шируйе (628).

Анна Комнина, разумеется, могла знать об этих событиях из «Хронографий» Георгия Синкелла, Феофана, а также из летописей своих современников Георгия Кедрина и Иоанна Зонары. Для принцессы Анны поход на Багдад, задуманный Иоанном Цимисхием, представлялся не очередной древней военной экспедицией, а решающим наступлением на стратегически важном направлении, пример которого актуален для современников, ибо военные деяния Иоанна Цимисхия и Василия II продолжил ее отец Алексей I. В действительности, как отмечал супруг Анны Комниной

Никифор Вриенний, поход на Багдад, столицу халифата Аббасидов, до Алексея I мечтал осуществить накануне Манцикертской катастрофы, весной 1071 г., император Роман IV Диоген (1067–1071). Однако Роман IV запечатлелся в сознании Анны Комнинской как храбрый неудачник, как император, потерявший армию и открывший ворота Азии туркам. Не Роман Диоген, а Иоанн Цимисхий был для нее подлинным предшественником отца.

Лев Диакон, современник Иоанна Цимисхия, рассказывает: «Пройдя и подчинив ромеям соседнюю область, [Иоанн] поспешил к Экбатанам [Багдаду], где установлена власть агарян. Там было несметное количество серебра, золота, и всяких иных богатств; Иоанн намеревался внезапным ударом овладеть городом. Говорят, что в Экбатанах больше золота и сокровищ, чем во всех других городах, находящихся под солнцем. Причина этому та, что экбатанцы обогащаются за счет многих стран, а сами до сего времени не испытывали ни одного вражеского нашествия. Но недостаток воды и необходимых припасов удержали Иоанна от нападения на город. В тех местах произрастает пустыня, именуемая Карманитидой; в ней нет источников, и ничего не произрастает, она суха, безводна, путь по ней неровен и труднопроходим. Поэтому он вернулся в Византий, везя с собой полученные от агарян дары — на триста мириад серебра и золота» (Καταδραμῶν οὖν τὴν περίχωρον, καὶ ὑπόσπονδον Ῥωμαίοις ταύτην θέμενος, ἠλείγετο καὶ μέχρις Ἐκβατάνων ἀφικέσθαι, ἵνα τὰ τῶν Ἀγαρηνῶν τυραννεῖα καθέστηκεν, ἀμύθητον ἄργυρον καὶ χρυσὸν καὶ πλοῦτον παντοδαπὸν ἔνδον κατέχοντα, ἐξ ἐπιδρομῆς καὶ ταῦτα εἰλεῖν προθυμούμενος. λέγεται γὰρ τῶν ἄλλων πόλεων μᾶλλον, ὅσαι τελοῦσιν ὑπὸ τὸν ἥλιον, πολυόλβον καὶ πολύχρυσον τὴν Ἐκβατάνων πολιτείαν τελεῖν. αἴτιον δὲ τὸ ἐκ πολλῶν μὲν χώρων αὐτὴν χρηματίζεσθαι, μηδεμίαν δὲ προτοῦ τῶν δυσμενῶν ὑπομένειν καταδρομῆν. ἀλλὰ γὰρ ἐπέσχε τὴν τοῦτου ὁρμὴν ἢ, τε λειψυδρία τῶν πόλων, καὶ ἡ σπάνις τῶν ἀναγκαίων. ἢ γὰρ ἐπιλεγομένη Καρμανίτις ἔρημος διὰ τῶν ἐκεῖσε χωρίων διήκει, τραχεῖαν καὶ ἀνάτην προβαλλομένη ὁδὸν, καὶ μήτε ὕδωρ βλυστάνουσα, μήτε βοτάνην ἀνα βλαστάνουσα, ψαφάρα τις οὔσα καὶ ἄνικμος. διὰ ταῦτα πρὸς τῶν Ἀγαρηνῶν αὐτῷ προσαχθέντα δῶρα ἐνσκευασάμενος, ἐν μυριάσι τριακοσίαις ἀργύρου καὶ χρυσοῦ ἀριθμούμενα, εἰς τὸ Βυζάντιον ἐπανάξευξε) (Leo Diacon, 1828, 162–163; пер. М. Я. Сюзюмова).

Из достаточно скупого рассказа Льва Диакона следует, что Иоанн Цимисхий не просто размышлял о походе на Багдад, столицу Аббасидского халифата, а начал поход и наступал со своей армией до тех пор, пока не оказался в пустыне Джебель-Хамрин. Эта пустыня, разделенная по направлению с северо-запада на юго-восток небольшим горным хребтом Хамрин, раскинулась на восточном берегу Тигра и протянулась на север от Багдада в северо-западные районы Ирана.

Исходя из предшествующего рассказа Льва Диакона следует, что Иоанн Цимисхий вначале предпринял отвлекающий удар из Великой Армении — форсировал Евфрат в верхнем течении, атаковал Эмет (Амиду), взял Миефарким (Мартирополь), овладел Нисибисом и создал угрозу всей арабской Аль-Джазире. Затем Иоанн Цимисхий, возможно, отошел от русла Тигра на северо-восток, в горы, после чего развернул конницу в южном направлении и начал движение вниз по течению Тигра по левому берегу, но на определенном удалении от русла реки и от арабских крепостей, стоявших по реке, дабы сбить противника с толку. Стратегический замысел императора мог заключаться в том, чтобы нанести по Багдаду «внезапный удар», о котором пишет Лев Диакон, с северо-востока, в то время как войска халифата ожидали наступления римлян из Евфратисии через Осроену по правому берегу Тигра и, вероятно, были сосредоточены в районе Самосаты и Эдессы.

Замысел был гениален, но его выполнение не было достаточно хорошо подготовлено. Византийская армия была вынуждена перемещаться на протяжении сотен километров по вражеской территории, оторванная от своих баз, запасов фуража и провианта. Поэтому очевидно, что Иоанн Цимисхий где-то на половине пути повернул обратно, удовлетворившись проведением разведки и разграблением арабских городов в долине Тигра, где римляне захватили богатую добычу «на триста

мириад серебра и золота». Кроме того, существовала еще одна серьезная причина, заставившая Иоанна Цимисхия в 974 г. прекратить наступление на Багдад. Император получил известия о том, что войска фатимидского халифа Аль-Муиза (953–975; المعز) захватили Триполи и Бейрут и начали наступление на Антиохию. Это обстоятельство вынудило императора отказаться от похода на Багдад и перебросить свою армию в Левант. Но несмотря на то, что поход Иоанна Цимисхия не достиг конечной цели, общественный резонанс был чрезвычайно сильным [Каптен, 2012, 43–49]. Преемник Иоанна Цимисхия Василий II после завершения многолетних гражданских войн и поражения византийской армии под командованием Дамьяна Далассина, понесенного от фатимидского халифа Аль-Хакима (996–1021; الحاکم) в битве при Апамее в 998 г., предпринял блистательную кампанию в Леванте, в которой принимал участие знаменитый военачальник и писатель Никифор Уран [Мохов, 2011, 41–49; Мохов, Капсалыкова, 2019, 160–176]. Кроме того, при Василии II Византийская империя прочно утвердилась в Закавказье, одновременно осуществляя кровавое завоевание Болгарского царства и воюя в Сирии против Фатимидов. По мнению исследователей, подобные успехи Византийской империи были связаны с тем, что Василий II довел византийскую регулярную военную систему и сопутствующую ей военную идеологию до максимальной степени развития, что способствовало превращению византийской армии в наиболее эффективную вооруженную силу своего времени [Holmes, 2005, 448–544; Strässle, 2006, 214–446; Мохов, Капсалыкова, 2019, 160–176]. Поэтому Анна Комнина ставит Василия II в один ряд с Иоанном Цимисхием далеко не случайно. Алексей I Комнин, с точки зрения Анны Комниной, век спустя продолжил дело Иоанна Цимисхия и Василия II, перейдя в наступление в Азии после десяти лет непрерывных поражений от сельджуков, которые претерпевала империя с 1071 г. Впрочем, в конечном итоге порфирородная принцесса дарует своему отцу именование тринадцатого апостола и восторженно сравнивает его с Константином Великим (306–337).

Как уже было отмечено, Анна Комнина воспринимает Иоанна Цимисхия и Василия II вместе как достойных предшественников своего отца, в то время как Никифора Фоку — императора, освободившего от арабов Крит, Кипр и Антиохию, не менее талантливого полководца и успешного правителя, чем Иоанн Цимисхий, принцесса даже не упоминает. Подобное молчание Анны несомненно было обусловлено лестными историческими аналогиями между Иоанном Цимисхием и Алексеем Комнином, которые проводились при византийском дворе в связи с усыновлением Алексея императрицей Марией Аланской и весенним переворотом 1081 г. Для Анны Комниной Никифор II Фока был таким же узурпатором и «тираном», каким был Никифор III Вотаниат, свергнутый с престола ее отцом. Данное предположение обретает дополнительные основания в связи с тем, что историк Михаил Атталиат, панегирист Никифора Вотаниата, открыто заявлял о том, что его герой является родственником Никифора Фоки и ни больше ни меньше как потомком Константина Великого. Михаил Атталиат посвятил восторженные строки Никифору Фоке и проводил параллель между обоими Никифорами (Attaliates, 2011, 167–175); [Lubarskii, 1990–1991, 49–54; Любарский, 1992, 92–102].

Очевидно, что политическая ориентация двух императоров — Иоанна Цимисхия и Алексея Комнина — была различна, что, в общем, объясняется спецификой времени, выпавшего на долю каждого из них. Иоанн Цимисхий продолжал внешнюю политику в духе экспансии на Восток, которую в царствование Романа I Лакапина (920–944) начал Иоанн Куркуас и которую продолжил Никифор Фока [Васильев, 1902, II, 286–310]. Разгром армии египетских Фатимидов в битве при Александретте, который учинил Иоанн Цимисхий весной 971 г., позволил римлянам спасти Антиохию, осажденную фатимидскими войсками в декабре 970 г., и вскоре начать масштабное вторжение в Евфратисию и Сирию. Примечательно, что в битве при Александретте Иоанн Цимисхий применил против фатимидских войск тот же самый маневр, который спустя век применит Алексей Комнин против Никифора Василаки в битве

на реке Вардар и против Боэмунда Тарентского в битве у Кастории. Римляне покинули лагерь, наполненный вином, жареным мясом, фуражом для коней, сундуками, которые были доверху набиты золотыми номисмами, и отступили, а когда алчные берберы бросились грабить лагерь, утратив всякую дисциплину, византийские катафракты атаковали рассеявшихся по лагерю фатимидских воинов и устроили настоящее «избиение младенцев» [Walker, 1972, 431–440]. В 975 г., отразив очередное наступление Фатимидов в Леванте, конница Иоанна Цимисхия захватила Мемпече, Эмесу (Хомс), Гелиополь (Баальбек), Апамею, Дамаск, Тивериаду, Назарет, Кесарию Палестинскую, Акру, Сидон, Бейрут, Библ, Триполи, Гаваон; очистила от мусульманских войск всю Сирию, Финикию и значительную часть Палестины (Leo Diacon, 1828, 165–167). Как писал сам император Иоанн Цимисхий армянскому царю Ашоту III Багратуни (952–977), римская армия прошла у подножья горы Фавор — места Преображения Спасителя, и подошла к Иерусалиму, но император отказался от штурма города и атаковал приморские замки, в которых укрывались фатимидские войска. Трофеи были неисчислимы. В Гелиополе византийцы захватили множество прекрасных арабских и берберских женщин, которые были угнаны в Византию, а также несметное количество золота, серебра, скота, великолепных арабских коней в роскошной сбруе и т.д. В Ливане римляне взяли в плен большое число местных арабов, которые были обращены в рабство и розданы солдатам Иоанна Цимисхия. Конница императора наносила фатимидским войскам поражение за поражением, очищая от неприятеля значительные территории [Кучук-Иоаннесов, 1903, 91–101]. Могущество Фатимидов в Сирии было сломлено, и Византийская империя укрепила свое положение на Ближнем Востоке на много лет (до 998 г.).

Известное письмо Иоанна Цимисхия Ашоту III Багратуни сохранилось до наших дней благодаря армянскому переводу в составе хроники Матвея Эдесского, который мог заимствовать его из более раннего исторического сочинения Акопа Сахнакеци, на которое Матвей опирался в повествовании о событиях с 952 по 1051 гг. [Арутюнова-Фиданян, 1978, 191–206]. Как полагал русский издатель письма, греческий оригинал, хранившийся в царском архиве города Ани, бесследно сгинул, что могло произойти либо в 1045 г. во время занятия столицы Багратидской Армении византийской армией, либо в 1064 г. во время разгрома города сельджуками Алп-Арслана (1063–1072). К. Н. Юзбашян отмечал, что армянский перевод письма императора Иоанна Цимисхия, сохранившийся в хронике Матвея Эдесского, испорчен. Исследователь предложил новый перевод этого документа на русский язык с учетом исправлений, предложенных Н. Г. Адонцем при помощи хроники Смбата Спарапета [Юзбашян, 1975, 91–98]. Греческий оригинал письма не сохранился. Однако мы вполне имеем право предполагать, что чиновники императорской канцелярии в Константинополе сняли копию с письма василевса еще до его отправки Ашоту III. Нельзя исключать также, что царский архив Багратидов (или же какая-то его часть) был вывезен из Ани в Константинополь после аннексии государства Багратидов Византийской империей в 1045 г., тогда греческий оригинал письма мог вернуться в императорский архив. В этом случае ценнейший документ, содержащий описание похода Иоанна Цимисхия против арабов, написанный этим выдающимся императором X в., мог быть доступен Анне Комниной в начале правления ее племянника Мануила I (1143–1180), т.е. в период, когда принцесса уже пережила свое монастырское заточение, связанное с неудачной попыткой свержения брата — императора Иоанна II (1118–1143), и собирала материалы для написания биографии своего отца [Chalandon, 1912, 16–17; Magdalino, 1993, 201–205]. Следовательно, этот документ теоретически вполне мог повлиять на восприятие Анной Комниной личности Иоанна Цимисхия.

Стремясь надежно обезопасить северную границу империи от нападения болгар и норманнов (варягов) князя Святослава после победы при Аркадиополе в 970 г., Иоанн Цимисхий опирался на восточные элементы в армии: прежде всего на армянскую знать, а также на павликиан из фемы Армениак, о которых подробно пишет

Анна Комнина, упоминая о том, что павликиане были переселены императором Иоанном Цимисхием из Армениака в окрестности Филиппополя. Армянская аристократия в целом сохраняла свои заметные позиции в византийской военной элите не только до царствования Романа IV Диогена и Манцикертской катастрофы 1071 г., но и значительно позднее [Каждан, 1975, 165–167].

В политической стратегии Алексея Комнина, напротив, преобладало западное направление, по той простой причине, что к 1081 г. Армения и Анатолия были Византийской империей потеряны. Угроза со стороны Роберта Гвискара в 1081 г. вызвала к жизни союз Алексея с германским императором Генрихом IV. В период войны с печенегами Алексей активно привлекал в свою армию солдат из Западной Европы, в первую очередь англосаксов, данов, рыцарей, набранных графом Робертом Фландрским, и даже франкских и норманнских рыцарей. Первый крестовый поход 1096–1099 гг. лишь укрепил Алексея в его попытках использовать франков в качестве вассалов как для проведения византийской реконквисты в Малой Азии, так и для выхода Византийской империи на линию старой границы, существовавшей до 1071 г. С этой точки зрения далеко не случайно, что Анна Комнина рассматривает павликиан, предки которых были переброшены Иоанном Цимисхием из Армениака во Фракию, как враждебный и опасный для империи элемент. Павликиане, с которыми Иоанн Цимисхий легко находил общий язык и которых использовал для отражения норманнской (варяжской) угрозы, для Алексея Комнина и Анны были совершенно чужими варварами, которые за целый век неплохо обжились на Балканах, породнились с местными славянами и заезжими печенегами и повернули оружие против Византийской империи во имя сохранения своего религиозного и национального уклада жизни. Принцесса Анна, рассказывая о павликианах, лишь намекает на то, что уже к сер. IX в. павликиане создали самостоятельное княжество в Анатолии с центром в Тефрике (Дивриги), вступили в союзнические отношения с Аббасидским халифатом и постоянно угрожали малоазийским фемам Византийской империи. И хотя взятие Тефрики войсками императора Василия I Македонянина, находившимися под командованием знаменитого domestика схол Христофора, а также ликвидация предводителя павликиан Хрисохира в 872 г. нейтрализовали военную угрозу со стороны павликиан и арабов на этом направлении [Vogt, 1908, 322–325; Tobias, 1970, 189–199], но блистательные победы Василия I не привели к полному искоренению павликианской секты. Как следует из рассказа принцессы Анны, павликиане спокойно дожили на своих землях до времени Иоанна I Цимисхия, который и переселил их во Фракию.

Специфика происхождения манихейства в III в. во многом объясняет устойчивость этого религиозного явления в Армении на протяжении многих столетий. Как известно, основатель манихейства пророк Мани (216–274) принадлежал к высшей парфянской аристократии и родился в Ктесифоне, столице Парфянского царства. Отцом Мани был знатный парфянский азат Патик, принадлежавший к царскому роду Аршакидов, а мать по имени Мариам была отпрыском парфянского аристократического рода Карен-Пехлевидов. В связи с этим далеко не случайно, что после падения Парфянского царства и окончательного утверждения ортодоксального зороастризма в Сасанидском Иране парфяне на протяжении многих веков придерживались манихейства на периферии Сасанидской державы, как в самой Парфии, так и в Закавказье и Согдиане. Парфянский язык с течением времени превратился в литургический язык манихейских общин Турфана, которые создали серьезную литературу на этом языке тогда, когда он уже перестал быть разговорным, а сами парфяне растворились в местной согдийской среде. Об этом свидетельствуют манихейские рукописи на парфянском языке, обнаруженные в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан) и датированные периодом VIII–X вв. [Чунакова, 2011, 11–92; Чунакова, 2015, 59–64]. После того как последний парфянский царь Артабан V пал 28 апреля 224 г. в битве с Арташиром Папаканом, основателем Сасанидской династии, Аршакиды до 284 г. еще сохраняли власть в Иберии, а также до 428 г. в Армении, примерно до 510 г. в Кавказской

Албании и, возможно, на протяжении нескольких десятилетий в Систане. Армяно-парфянская знать, связанная с царской династией Аршакидов, из поколения в поколение передавала учение Мани, которое подвергалось преследованиям в Сасанидском Иране до принятия армянами христианства в нач. IV в. Нет ничего удивительного в том, что по прошествии нескольких веков в этой среде, связанной происхождением и культурной традицией с парфянской царской династией, распространились новые варианты манихейства, одним из которых, вероятно, было павликианство, возникшее в Малой Азии в эпоху императоров Константа II (641–668) или Константина IV (668–685), вероятнее всего в 650–680-х гг.

Возможно, болгарские павликиане впоследствии серьезно повлияли на знаменитое движение богомилов. В лице манихейства в его павликианском варианте Анна Комнина и ее отец Алексей I столкнулись с серьезным культурно-религиозным реликтом, доставшимся армянам в наследство от эпохи парфянского владычества, когда религиозные убеждения были тесно связаны у парфянских азов с этикой военной службы. Эти убеждения впоследствии побуждали потомков парфянской аристократии к политическому обособлению от Византийской империи. После того как печенеги и половцы окончательно дестабилизировали балканскую границу Византийской империи во 2-й пол. XI в., павликиане вновь обрели политические амбиции и из временных союзников империи превратились в ее непримиримых врагов.

Анна Комнина никоим образом не ставит в вину Иоанну Цимисхию переселение павликиан во Фракию и, по-видимому, даже одобряет находчивость этого императора, в то время как ответственность за измену павликиан в современную ей эпоху принцесса возлагает на самих еретиков. Очевидно, что слава Иоанна Цимисхия, воскресшая благодаря императору Алексею Комнину, представлялась Анне относительно недавним золотым веком в истории Византийской империи, в то время как старший соратник ее отца Катакалон Кекавмен, писавший в 1070-е гг. свои знаменитые «Советы и рассказы», был склонен искать такой золотой век в позднеримской истории, а точнее в эпохе императора Константина Великого (306–337), а также его преемников Констанция II (337–361), Юлиана Отступника (361–363), Иовиана (363–364) и, наконец, императора Феодосия I (379–395) (Кекавмен, 2003, 314–315). Весьма показательно то, что византийский полководец XI в. считал золотым веком в истории римского государства эпоху Константина и Феодосия, когда Рим еще властвовал над западными провинциями и одновременно в лице императора Юлиана грозил Сасанидскому Ирану. Подобная положительная характеристика, данная Катакалоном Кекавменом императорам позднего Рима, свидетельствует о том, что имперское мировоззрение и представления о римской ойкумене были столь же живы в мирозерцании византийской военной аристократии накануне прихода к власти императора Алексея Комнина и рождения его порфиородной дочери Анны, как и в предыдущие века. С этой точки зрения нельзя не вспомнить известное замечание А. П. Каждана о том, что историк Аммиан Марцеллин — офицер римской армии, а по происхождению своему грек из Антиохии, описавший правление императоров Констанция II, Юлиана и Иовиана, — может считаться своего рода предтечей византийской исторической литературы [Каждан, 1972, 223–232]. Но если Катакалон Кекавмен, возможно, не без влияния Иоанна Малалы или же Феофана, вдохновлялся образами римских императоров IV в., то Анна Комнина, испытавшая влияние византийской хронографической литературы своего времени (Скилицы/Кедрина или же, что более вероятно, утраченных источников Скилицы), представляла императора Иоанна Цимисхия в качестве героического предтечи своего отца Алексея I, который продолжил деяния Цимисхия и преумножил его славные победы.

В результате мы неизбежно приходим к выводу о том, что принцесса Анна, рассказывая о героических деяниях императора Иоанна I Цимисхия, не только полемизировала с Михаилом Атталиатом и сторонниками свергнутого ее отцом Никифора III Вотаниата, ко времени написания «Алексиады» давно сошедшими с исторической сцены, но сознательно распространяла на исходе 1140-х гг. при дворе своего

племянника, императора Мануила I, фрагменты семейной коллективной памяти об Иоанне Цимисхии, тем самым невольно создавая литературный миф о великом императоре-полководце X в. Этот император, побеждавший арабов во внутренних пределах Азии, представлен Анной в соответствии с принципами древнегреческой трагедии в качестве жертвы Ананке, как трагический герой, который для защиты Ромейской империи от норманнской (варяжской) угрозы переселяет во Фракию еретиков-павликиан, век спустя превращающихся в источник новой, более серьезной угрозы для Ромейской империи.

Источники и литература

Источники

1. Кекавмен (2003) — *Катакалон Кекавмен*. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Пер. с греч. и комм. Г. Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 2003.
2. Anna Comnena — *Annae Comnenae Alexias* / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin; New York, 2001. В. I, II.
3. Digenis Akritis (1998) — *Digenis Akritis: The Grottaferrata and Escorial Versions* / Ed. by E. Jeffreys. Cambridge, 1998.
4. Zon. — *Ioannis Zonarae Epitome Historiarum*, hsrsg. v. Ludwig Dindorf, Leipzig, 1871. Vol. IV.
5. Georg. Synkellos (1829) — *Georgii Syncelli Chronographia* / Hrsg. von G. Dindorf. Bonn, 1829. Vol. I.
6. Attaliates (2011) — *Michaelis Attaliatae Historia* / Hsrg. v. E. Th. Tsolakis. CFHB 50. Athenai, 2011.
7. Liutprandus (1877) — *Liutprandus Cremonensis. Opera* / Antapodosis // MGH in usum scholarum. Hannover, 1877.

Литература

8. Арутюнова-Фиданян (1978) — *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на Восток в X–XI вв. // Историко-филологический журнал. 1978. № 2. С. 191–206.
9. Балахванцев (2009) — *Балахванцев А. С.* К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения «Парфики» Аполлодора Артемитского // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Ф. У. Уолбанка / Под ред. О. Л. Габелко. Казань, 2009. С. 89–101.
10. Балахванцев (2015) — *Балахванцев А. С.* Две античные традиции истории ранней Парфии // Ученые Записки Казанского Университета. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 114–122.
11. Баранов (2017) — *Баранов Г. В.* Византийские (средиземноморские) мечи с перекрестьями и муфтой IX–XI вв. // МАИАСК. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. 2017. Вып. 9. С. 248–283.
12. Барынина (2011) — *Барынина О. А.* Македонский ренессанс как историческая проблема // Византийское «содружество» традиции и смена парадигм. Тезисы докладов XXII-й всероссийской сессии византинистов РФ. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019. С. 13–15.
13. Безобразов (1899) — *Безобразов В. П.* Хрисовул императора Михаила VII Дуки // Византийский Временник. СПб., 1899. Т. VI. С. 140–143.
14. Васильев (1902) — *Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. Т. II.
15. Грацианский (2013) — *Грацианский М. В.* Еще раз об источниках «истории» Льва Дякона // Византийский Временник. 2013. Т. 72 (97). С. 68–83.

16. Дибвойз (2008) — *Дибвойз Н. К.* Политическая история Парфии / Под ред. В. П. Никорова. СПб., 2008.
17. Иванов (1982) — *Иванов С. А.* Poleмическая направленность «Истории» Льва Диакона // *Византийский Временник*. М., 1982. Т. 43. С. 74–80.
18. Каждан (1961) — *Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии X в. 1: О составе так называемой «Хроники Продолжателя Феофана» // *Византийский Временник*. 1961. Т. 19. С. 78–96.
19. Каждан (1961) — *Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии X в. 2: Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия // *Византийский Временник*. 1961. Т. 20. С. 106–128.
20. Каждан (1972) — *Каждан А. П.* Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе // *Вестник древней истории*. 1972. № 1 (11). С. 223–232.
21. Каждан (1975) — *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975.
22. Каждан (1976) — *Каждан А. П.* Социальные воззрения Михаила Атталиата // *Зборник Радова византолошког института XVII*. Белград, 1976. С. 1–54.
23. Капсалькова (2017) — *Капсалькова К. Р.* Регулярная армия и традиционное общество в Византийской империи в X — первой половине XI в. // *Вестник Вятского государственного университета*. 2017. № 12. С. 92–98.
24. Каптен (2012) — *Каптен Г. Ю.* К вопросу о религиозном характере восточного похода Иоанна I Цимисхия // *Вестник РХГА*. 2012. Т. 13. Вып. 4. С. 43–50.
25. Кучук-Иоаннесов (1903) — *Кучук-Иоаннесов Х. И.* Письмо императора Иоанна Цимисхия к армянскому царю Ашоту III // *Византийский временник*. 1903. Т. X. Вып. 1–2. С. 91–101.
26. Любарский (1991) — *Любарский Я. Н.* Замечания об образах и художественной природе «Истории» Льва Диакона // *Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII международному конгрессу византинистов (8–15 августа 1991 г.)* / Под ред. Г. Г. Литаврина, М.: Наука, 1991. С. 150–162.
27. Любарский (1992) — *Любарский Я. Н.* Михаил Атталиат и Михаил Пселл (опыт короткого сопоставления) // *Античная древность и средние века*. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. С. 92–102.
28. Любарский (2009) — *Любарский Я. Н.* Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. (Пер., комм., послесл.). СПб.: Алетейя, 2009.
29. Мохов (2011) — *Мохов А. С.* «Хозяин Востока» Никифор Уран // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 3 (32). С. 41–49.
30. Мохов (2013) — *Мохов А. С.* Византийская армия в середине VIII — середине XI в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013.
31. Мохов, Капсалькова (2019) — *Мохов А. С., Капсалькова К. Р.* «Пусть другие рассказывают о выгоде и роскоши, что приносит война»: византийская полемологическая традиция X–XI веков. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019.
32. Сюзюмов (1916) — *Сюзюмов М. Я.* Об источниках Льва Диакона и Скилицы // *Византийское Обозрение*. 1916. Т. 2. С. 106–166.
33. Тохтасьев (2018) — *Тохтасьев С. Р.* Язык трактата Константина Багрянородного *De Administrando Imperio* и его иноязычная лексика. СПб.: Наука, 2018.
34. Чунакова (2011) — *Чунакова О. М.* Манихейские рукописи из Восточного Туркестана: среднеперсидские и парфянские фрагменты. М., 2011.
35. Чунакова (2015) — *Чунакова О. М.* Новый парфянский манихейский фрагмент // *Письменные памятники Востока*. 2015. № 2 (23). С. 59–64.
36. Юзбашян (1975) — *Юзбашян К. Н.* «Эскуриальский Тактикон» — новый византийский источник по истории Армении // *Երևանի Համալսարանի Գիտությունները*. 1975. С. 91–98.
37. Barnes (2014) — *Barnes Th. D.* Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Oxford: Wiley Blackwell, 2014.
38. Buckley (2014) — *Buckley P.* The Alexiad of Anna Komnene. Artistic Strategy in the Making of a Myth. Cambridge: University Press, 2014.

39. Chalandon (1912) — *Chalandon F.* Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. II: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). Paris, 1912.
40. Cowdrey (1983) — *Cowdrey H. E. J.* The Age of Abbot Desiderius: Montecassino, the Papacy, and the Normans in the Eleventh and Early Twelfth Centuries. Oxford: Clarendon Press, 1983.
41. Debevoise (1938) — *Debevoise N. C.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938.
42. Falkenhausen (1982) — *Falkenhausen V., von.* Olympias, eine normannische Prinzessin in Konstantinopel // *Bisanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi.* Vita e pensiero. 1982. P. 56–72.
43. Holmes (2005) — *Holmes C.* Basile II and the Governance of Empire (976–1025). Oxford: University Press, 2005.
44. Kazhdan, Constable (1982) — *Kazhdan A., Constable G.* People and Power in Byzantium, Washington, 1982.
45. Kolia-Dermitzaki (1997) — *Kolia-Dermitzaki A.* Michael VII Doukas, Robert Guiscard and the Byzantine-Norman Marriage Negotiations // *Byzantinoslavica.* 1997. Vol. LVIII. P. 251–268.
46. Leader (2000) — *Leader R.* The David Plates Revisited: Transforming the Secular in Early Byzantium // *The Art Bulletin.* 2000. Vol. 82. No. 3 (Sept.). P. 407–427.
47. Ljubarskij (1993) — *Ljubarskij Ja.* Nikephoros Phokas in Byzantine historical writings: trace of the secular biography in Byzantium // *BS.* 1993. T. 54. P. 245–253.
48. Lubarskii (1990–1991) — *Lubarskii Y. N.* Sobre la composicion de la obra de Miguel Atalates // *Erytheia.* 1990–1991. Vol. 11–12. P. 49–54.
49. Ludwig (1991) — *Ludwig C.* Kaiser Herakleios, Georgios Pisides und die Perserkriege // *Varia III.* Beiträge von Wolfram Brandes, Sophia Kotzabassi, Claudia Ludwig und Paul Speck. *Ποικίλα Βυζαντινά* 11. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1991. S. 73–128.
50. Magdalino (1993) — *Magdalino P.* The Empire of the Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
51. Neville (2012) — *Neville L.* Heroes and Romans in Twelfth-Century Byzantium. The Material for History of Nikephoros Bryennios. Cambridge: University Press, 2012.
52. Neville (2013) — *Neville L.* Lamentation, History and Female Authorship in Anna Komnene's Alexiad // *Greek, Roman and Byzantine Studies.* 2013. Vol. 53. P. 192–218.
53. Neville (2016) — *Neville L.* Anna Komnene. The Life and Work of a Medieval Historian. Oxford: University Press, 2016.
54. Nikonorov (1998) — *Nikonorov V. P.* Appolodorus of Artemita and the date of his *Parthica* revisited // *Ancient Iran and the Mediterranean World.* Proceedings of an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagellonian University, Cracow, in September 1996 / Ed. by E. Dąbrowa. Kraków, 1998. P. 107–122.
55. Prasad (2015) — *Prasad P.* Diplomacy and foreign policy in the personal reign of Constantine VII Porphyrogenetos (945–959). PhD Thesis. Oxford, 2015.
56. Rochow (1994) — *Rochow I.* Kaiser Konstantin V (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben mit einem prosopographischen / Anhang von C. Ludwig, I. Rochow und R.-J. Lilie. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1984.
57. Runciman (1969) — *Runciman S.* The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign: A Study of Tenth-Century Byzantium. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1969.
58. Schlumberger (1890) — *Schlumberger G. L.* Un Empereur Byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Ouvrage Illustré. Paris, 1890.
59. Speck (1981) — *Speck P.* Versuch einer Charakterisierung der sogenannten Makedonischen Renaissance // *Les Pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avril 1979 / Ed. par R. Zeitler.* Uppsala, 1981. S. 237–241.
60. Speck (1984) — *Speck P.* Ikonoklasmus und die Anfänge der Makedonischen Renaissance // *Varia I.* Beiträge von Ralph-Johannes Lilie und Paul Speck. *Ποικίλα Βυζαντινά* 4. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1984. S. 175–210.
61. Speck (1988) — *Speck P.* *Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros.* *Ποικίλα Βυζαντινά* 9. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1988.

62. Speck (2003) – *Speck P.* Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis, T. II., Eine Neue Erkenntnis Kaiser Leons III, T. III., Die Απόστασις Ῥώμης και Ἰταλίας und der Liber Pontificalis. Ποικίλα Βυζαντινά 20. Bonn, 2003.
63. Strässle (2006) – *Strässle P.M.* Krieg und Kriegführung in Byzanz: Die Kriege Kaiser Basileios' II. gegen die Bulgaren (976–1019). Köln; Weimar, 2006.
64. Tobias (1970) – *Tobias N.* Basile I (867–886), the Founder of the Macedonian Dynasty: A Study of the Political and Military History of the Byzantine Empire in the Ninth century. PhD Thesis. New Brunswick, New Jersey, 1970.
65. Toynbee (1973) – *Toynbee A. J.* Constantine Porphyrogenitus and his World. London: Oxford University Press, 1973.
66. Vogt (1908) – *Vogt A.* Basile Ier Empereur de Byzance (867–886). La Civilisation byzantine à la fin du IXme siècle. Paris: Alphonse Picard, 1908.
67. Walker (1972) – *Walker P.E.* A Byzantine victory over the Fatimids at Alexandretta (971) // Byzantion. 1972. Vol. 42. P. 431–440.